

ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ

Где гусарская жжёнка и славный гвардейский крюшон,
Где ликуют полки, отшагав до победы полсвета?..
Вообще-то, мы ждали – так долго! – не всех, кто пришёл,
И до многих пришедших нам не было дел, вообще-то.

Кто их знает, весной ли, зимой – где-то там или там
Задержались родные, которых мы ждали так долго, –
Разошлись, растворились в степях, по горам и лесам,
Потерялись у Буга и Припяти, Дона и Волги.

Безоглядное время проходит, а память бежит,
Как вода – не удержишь! – сквозь ржавое драное сито.
Без креста и звезды где-то дед мой в окопе лежит,
Или – страшно сказать! – взятый в плен, помирает от пыток.

Может, это не плохо, что дед мой сейчас не придёт
И о том, что сегодня болтают о нём, не услышит,
И кина про войну не посмотрит, и книг не прочтёт,
Что спасённые им, словно бредя, снимают и пишут.

Только всё-таки временно время вранья и стыда,
Но нетленна душа моего не пришедшего деда,
И останется с нею и с нами – одно навсегда! –
Из прошедших времён только вечное время Победы

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт их враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Василий Фёдоров

В сутеми смыслов и замети слов,
Словно слепцы, оглушённые вьюгой,
Разве не мы по смертельному кругу
Бродим сегодня, не слыша друг друга,
И запеваем с чужих голосов?

На перекрёстках путей и времён,
В гуле причалов и шуме перронов
Голос вокзалов, кают и вагонов
Впишем в холодную память айфонов,
Не сохранив адресов и имён.

В хитросплетеньях эпох роковых
Вряд ли случайное было случайным:
Неизлечимо, фатально, летально
Спутаны судьбы, и правды, и тайны –
Долго придётся распутывать их.

Всюду разлука, куда ни глядишь.
Ты не печалься до срока, родная.
Прежде, чем голос мой где-то растает,
Я бы хотел побывать на Алтае,
Но не поеду ни в Рим, ни в Париж.

В круговращенье безжалостных лет
Непродолжительно наше свиданье,
И, расставаясь, обняв на прощанье,
Я ничего не скажу в оправданье,
Зная, что мог бы услышать в ответ.

Я бы, признаюсь, остался – кричать:
Добрые люди, вам столько наврали!
Сами-то вы от вранья не устали?
Наши отцы про Берлин не мечтали,
А уходили Москву защищать!

В мире пластмассы и кибермашин,
В море разброда, раздора, разбоя
Нам ли смиряться с позорной судьбою
И отступать, отдавая без боя,
С наших, не сданных отцами, вершин!

На свете то, что не мгновенно,
То временно: всё – прах и тлен.
Одно от века неизменно –
Цепь непрерывных перемен,
И незаметно, постепенно
Ты подчиняешься вполне
Разнообразным переменам
В делах, в погоде и в стране.

И ты порой не очень свежим
Ветрам всё новых перемен,
Как ни крути, весьма привержен,
Как ни воюй, сдаёшься в плен,
Признав спасительной при этом
Мысль горькую, как соль во рту,
Что паруса мертвы без ветра,
Но часто рвутся на ветру.

И скоро, может быть, не скоро
Поймёшь – дела твои просты:
Ты гадом не был, не был вором,
Но и героем не был ты,
И не однажды вспомнишь горько,
Как много всякого стряслось,
Чего ты не хотел, но только
Оно с тебя и началось.

Снег падать спешит,
и пролиться торопится дождь.
А тангенс прямого угла
безнадёжно бесправен.
Так трудно смириться –
того, чего нет, не найдёшь,
того, что свершилось,
назад не вернёшь, не исправишь.

Когда бы всё было не так,
я бы не был в долгу
у свежих цветов,
что сорвать не успел для любимой,
ни разу не струсил,
руки не подал бы врагу,
но двери открыл бы для друга,
бредущего мимо.

Я мог бы признаться себе,
что, в моря уходя,
боялся не знать об измене
сильней, чем измены.

Я чаще глядел бы,
как звёзды на землю глядят,
и старые фото
повесил бы снова на стены.

Я жил бы, как жил,
и служил необъятной стране,
где мне никуда
от любви и надежды не деться,
и письма от деда,
который пропал на войне,
пришедшие с фронта,
сберёг бы у самого сердца.

Как был бы я счастлив увидеть:
забыв про меня,
забыв хоть на время
про потерь разных и дракул,
склонились над письмами деда
мои сыновья –
читают и плачут,
как я бы читал их и плакал.

* * *

Омское медлительное утро.
Зимний неуверенный рассвет.
За окошком холодно и смутно.
Нет в душе тепла и света нет.

Верить ли, что завтра воскресенье?
У кого спросить, по чьей вине
Нету мне у Господа прощенья,
Нету у людей поруки мне?

Не Пегаса время оседлало,
Шпоры вмяв нечистому в бока,
То плетясь, то мчась через кварталы
Призрачной столицы Колчака.

И, пощады никакой не зная,
По сибирской стороне родной
За войной идёт война другая,
Чтоб забыться новой войной.

Я, попавший на рубеж передний,
Буду или нет виновен в том,
Что не все вернулись с предпоследней,
А с последней не придёт никто?..

Омск, прости! Я вовсе не об этом
Говорить с тобою был готов,
Едучи к моим друзьям-поэтам
С тихоокеанских берегов.

Там ещё тревожнее рассветы,
Даль туманней, ветер солоней...
Омичи, друзья мои поэты,
Дай вам Бог побольше светлых дней!

Дай нам всем Господь в местах заветных
Долго жить и верить, что Пегас
С поля брани часом предрассветным
Вынесет кого-нибудь из нас.

* * *

Спокойный сердца стук и ровное дыхание –
Не в тягость никому случайной встречи миг,
Открывший нам, что я успел забыть названья,
Но не успел прочесть твоих любимых книг.

Я имена цветов в саду твоём не знаю,
Хоть видел их не раз и запахи вдыхал,
Когда их согревал лукавый ветер мая,
Когда их дождь хлестал и холод обжигал.

Я думаю о них порой почти без грусти.
Уже давно гощу я не в твоём саду.
Меня к твоим цветам судьба уже не пустит
Ни в этом, ни в другом каком-нибудь году.

Теперь в душе моей живёт одно желанье:
Пускай твой сад цветёт и ждёт гостей иных,
Кому ниспослан дар напоминать названья
Твоих любимых книг и всех цветов твоих.

* * *

Я бы вырастил самую круглую тыкву,
Я бы выстроил самый бревенчатый дом,
Самый тонкий узор сочинил бы и выткал
И залил бурдюки самым крепким вином.

Только знаю давно, это сделают лучше
Мой сосед, что на даче всё лето корпел,
Старый плотник, мой давний случайный
попутчик,
Золотая швея и хмельной винодел.

Я о планах своих погрешу и забуду,
Загублю на корню голубую мечту.
Пусть друзья мои дальше творят своё чудо.
Я, храня их покой, постою на посту.

Я уйду в океан, и, разлук не ругая,
О родимой земле свою песню спою,
И, однажды вернувшись, моя дорогая,
Сам тебя повстречаю и сам полюблю.

* * *

Как они в твоём сердце болят,
Как прекрасны они и беспечны,
Это небо и эта земля,
Эта жизнь – этот бег бесконечный!

Ты за временем быстрым бежишь
И однажды, споткнувшись устало,
Всех отставших поймёшь и простишь,
Но не свяжешь концы и начала.

Только лёгкая тень вдалеке,
Только жар безнадёжной погони,
Только капля дождя на щеке,
Только след от неё на ладони.

Всё трудней на бегу вспоминать
Обещанья, свиданья, прощанья.
Не обнять, не вернуть, не догнать...
Встречный ветер сбивает дыханье.

Листопад, снегопад, звездопад...
Дни летят, словно стрелы из лука.
Как они в твоём сердце болят,
Ожиданье, любовь и разлука!..

Снова лёгкая тень вдалеке,
Снова жар безнадёжной погони –
Только капля дождя на щеке,
Только след от неё на ладони...

* * *

Всё правда. Нет, не здесь, не там, не где-то
Ютятся и хранятся тьма и свет.
Я полон этой тьмой и этим светом,
У них других пристанищ в мире нет.

Всё правда. До обидного неловко,
Меж ловких непростительно смешно,
Не раз от них, не говоря ни слова,
Я уходил, но так и не ушёл.

Нет никакой причины для сомнений:
Себе, по крайней мере, я не врал,
Когда пред вами преклонял колени,
И верил вам, и руки целовал.

Я понимаю всё и принимаю,
Когда бы только свет во тьме не гас,
Ведь правда в том ещё, что я не знаю,
Свет или тьма соединила нас.

* * *

За краем уснувшего леса,
За белой его тишиной,
В сугробы январские врезан,
Скрипит первопуток степной.

Задумчиво светлое утро.
Откуда-то издалека,
Холодным горя перламутром,
Недвижно летят облака.

Простор голубой серебрится,
И видно по свежим следам:
Вот здесь мышковала лисица,
Косые петляли вон там.

А дальше, в застывших извилах
Речных берегов и проток,
Порхал зимородок игриво,
Разбойно шнырял колонок.

А куст одинокой рябины
Обрызган остатком зари:
На ветках, устроившись чинно,
Краснеют выюрки-снегири.

О Боже, как смертны и вечны
И снега примятого хруст,
И лес, и просёлок, и речка,
И тонкий рябиновый куст!

Не снится, а кажется – снится:
При свете, сошедшем с небес,
Не сказка, а звери да птицы,
Просёлок, и речка, и лес...

* * *

Спокойно над нами растут облака и деревья,
Тревожно под ними ревет перекатом река,
А жизнь, как река, что местами бывает,
поверь мне,
Опасно мелка и порой чересчур глубока.

Она и дорога твоя, и в дороге преграда,
И путь, и соблазн будто нехотя сбиться с пути.
Но, что бы там ни было, плыть
по ней всё-таки надо
И где-то когда-нибудь надо её перейти.

И как бы какие бы волны тебя ни качали,
За этой рекою, за тем неприметным холмом

